
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 59–69.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):59–69.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09"19"
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.006

О возможном пушкинском «следе» в «Персидских мотивах» С. А. Есенина

Сергей Николаевич Пяткин

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал), Арзамас, Россия
nikolas_pyat@mail.ru

Аннотация. Насыщенность пушкинским «присутствием» художественного мира Есенина — факт очевидный, имеющий внушительный опыт научного изучения, в орбите которого чаще всего располагаются есенинские произведения, относящиеся к позднему творчеству поэта. В центре внимания настоящей статьи — микросюжет о путнике, объединяющий 7-е и 8-е стихотворения цикла «Персидские мотивы» (1924–1925), который впервые анализируется в контексте заключительного произведения «Подражаний Корану» («И путник усталый на Бога роптал...») А. С. Пушкина. В ходе исследования установлено, что оба цикла, принадлежа к русской ориентальной традиции, содержат отличную друг от друга, но вместе с тем диалогически соотносящуюся между собой художественную рефлексию мира Востока. Это в большей степени отражается в разности судеб есенинского и пушкинского путников, которая образуется автором «Персидских мотивов» посредством диалогической интенции, обращенной к сюжету IX «Подражания». Идея пушкинской притчи заключена в безоговорочной вере человека в милость и всеисие Создателя. Микросюжет о путнике Есенина наполнен вдохновенной мыслью о самоценности жизни и творческого отношения к ней человека, способного чувствовать и благодарно воспринимать живительную силу земной красоты. Утверждается, что образ есенинского путника, не имея явно выраженного полемического посыла по отношению к сюжету пушкинской притчи, служит в субъектно-образной структуре цикла маркером чужого сознания, обогащающего авторское мировидение, что не в последнюю очередь способствует у Есенина поиску и обретению оригинального идейно-эстетического решения восточной темы и неповторимого, подчеркнуто русского песенного голоса в отечественной ориентальной традиции.

Ключевые слова: адресат, диалогическая интенция, микросюжет, образ путника, ориентальная традиция, лирический субъект, «Подражания Корану», притча, пушкинское «присутствие».

Для цитирования: Пяткин С. Н. О возможном пушкинском «следе» в «Персидских мотивах» С. А. Есенина // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 59–69. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.006.

Original article

The possibility of “Pushkin trace” in S. A. Yesenin’s *Persian Motifs*

Sergey N. Pyatkin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch of Lobachevsky University,
Arzamas, Russia
nikolas_pyat@mail.ru

Abstract. Pushkin's vivid presence in Yesenin's poetic world is a clear fact that has been studied for many years. In this respect, Yesenin's later works have been explored more intensively. The present article focuses on the micro-plot of a traveler that unites the 7th and 8th poems of the series *Persian Motifs* (1924–1925), analyzed in the context of Pushkin's final poem in *Imitations of the Quran* ("And the tired wayfarer reproached his God..."). The present study proves that both of the works belonging to the Russian oriental tradition contain different but still dialogically correlated artistic reflection of the Eastern world. This is mainly reflected in the difference between the destiny of Yesenin's traveler and the destiny of Pushkin's traveler, intended by S. A. Yesenin as a dialog referring to the story of the 9th *Imitation of the Quran*. The idea of A. S. Pushkin's parable is unconditional faith of man in the grace and the almighty power of the Creator. Yesenin's micro-plot about the traveler is filled with the inspired idea of inherent worth of life and a person's artistic attitude to it, our ability to experience and thankfully perceive the infusive force of earthly beauty. We do not state that Yesenin's image of the traveler carries a message polemical to the plot of Pushkin's parable. But it certainly points to the classic as a possible source enriching the 20th-c. author's worldview in the imagery of his poetic cycle. That contributes to Yesenin's quest for, and discovery of an ingenious ideological and aesthetic solution to the oriental theme. Thanks to this, he added his unique poetic voice to the Russian oriental tradition.

Keywords: addressee, dialogical intention, micro-plot, an image of a traveler, oriental tradition, lyrical subject, *Imitations of the Quran*, parable, "Pushkin trace".

For citation: Pyatkin S. N. The possibility of "Pushkin trace" in S. A. Yesenin's *Persian Motifs*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):59–69. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.006.

Введение

В новейших научных трудах, посвященных «Персидским мотивам», наряду с изучением отдельных аспектов поэтики цикла ([Новикова, 1975 ; Бельская, 1990 ; Голкар Абтин, 2005 ; Шакирова, 2007 ; Шипулина, 2007 ; Ванюков, 2018 ; Василевская, 2019 ; Коновалова, 2021, и др.]), предметным анализом есенинской рецепции лирического наследия восточных классиков (Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси) ([Тартаковский, 1986 ; Абдулазизова, 2016 ; Исахан Исаханлы, 2018 ; Ардышева, 2021, и др.]), все активнее проявляется исследовательская тенденция, нацеленная на характерологию субъектно-образной структуры цикла в контексте традиции русского ориентализма ([Борзых, 2011 ; Гунтарева, 2016 ; Савченко, 2016, и др.]). Эта традиция, берущая свое начало в XII веке, в качестве художественной системы сложилась и ярко проявила себя в романтической литературе, став не только «составной частью идейных и эстетических поисков» [Гунтарева, 2016, с. 28] многих поэтов золотого века, но и литературным каноном *восточной темы* в национальной культуре. И обращение к ней писателей последующей эпохи, как правило, имеет диалогическую связь с произведениями предшественников, реалиями их биографий, определивших ценностное значение и содержание такого канона. Собственно, есенинское стихотворение «На Кавказе», служащее своеобразным прологом к «Персидским мотивам», и иллюстрирует, и вполне это подтверждает. Кавказ как одна из знаковых номинаций восточной топонимики олицетворяется у поэта именами трех величайших деятелей русской литературы XIX века — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова.

Давая образное представление «кавказских страниц» в творческих судьбах отечественных классиков, лирический герой Есенина называет единую для всех причину, обусловившую появление таких «страниц»:

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.
[Есенин, 1997, т. 2, с. 108]

Этими же обстоятельствами есенинский герой, подчеркивая свою причастность к судьбам «*ушедших и великих*», объясняет свое стремление скрыться в загадочном тумане Кавказа, в котором он предчувствует появление нового, творчески щедрого этапа в развитии своего художественного дарования: «*Зане созрел во мне поэт / С большой эпической темой*» (курсив наш. — С. П.) [Есенин, 1977, т. 2, с. 108].

Примечательно, что жизнетворческая программа Есенина, проясняющая его ожидание от реального, а не вымышленного погружения в мир Востока, обозначает как высшую цель, манифестированную финальной строфой стихотворения, обретение живого созвучия с кавказскими откровениями Пушкина:

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить с свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».
[Есенин, 1997, т. 2, с. 109]

Во многих воспоминаниях современников Есенина, относящихся к его времени пребывания на Кавказе и непосредственной работы над «Персидскими мотивами», отмечается повышенный интерес поэта к личности Пушкина. Так, журналист Н. Вержбицкий оставил свидетельство о «пушкинских вечерах», когда «в один из таких вечеров Есенин признался... что он именно теперь, на Кавказе, начал читать великого поэта, как он выразился “в полную силу”, стал находить в нем “что-то просветляющее”» [С. А. Есенин в воспоминаниях современников, 1986, с. 230]. Грузинский поэт Тициан Табидзе, один из близких друзей Есенина по Тифлису, был уверен, что «пример Пушкина влек его на Кавказ» [Там же, с. 191].

Пушкинским «присутствием» отмечен и эпистолярный Есенина той поры, где факты творческой биографии великого предшественника, по сути, сверяются поэтом новой эпохи с событиями собственной судьбы. Признаваясь в письме Маргарите Лифшиц от 20 октября 1924 года в охлаждении к былым привычкам и пристрастиям («По-видимому, в самом деле я перебесился»), Есенин иронично изображает свой возможный будущий образ жизни: «Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь вроде Коненкова: “Прошли золотые денечки”. Ну, да это успеем сделать по приезду в Русь» [Есенин, 1999, т. 6, с. 182]. Ключевой фрагмент этой картины, связанный с «женой» и «балалайкой», — очевидный парафраз пушкинского отрывка из «Путешествий Онегина», в котором с не меньшей иронией поэт, находясь в Болдине накануне женитьбы и прощаясь с прошлыми увлечениями, убеждал себя:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.
[Пушкин, 1937, т. 6, с. 200–201]

Симптоматично в этом отношении и письмо Есенина, адресованное Галине Бениславской из Батума 20 декабря 1924 года, когда были написаны первые шесть стихотворений будущих «Персидских мотивов», а у поэта «твердо сложилось мнение, что это будет достаточно обширный цикл» [Есенин, 1995, т. 1, с. 639]. Есенинское послание, проникнутое исповедальными интонациями, передает наполненный внутренней мощью процесс мировоззренческой перестройки в художественном сознании поэта во время его пребывания на Кавказе: «Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия...»¹ [Там же, 1999, т. 6, с. 191].

¹ Отметим здесь связанную с мотивом творческого просветления «рифмовку» есенинского признания из мемуарного текста Н. Вержбицкого — «...стал находить в [Пушкине] “что-то просветляющее”», и фразы из письма самого поэта — «Я чувствую себя просветленным...».

И в высшей степени показательно, как в этом же письме Есенин в ответ на упреки адресата в том, что поэт «перестал отделять стихи», возражая, прибегает к авторитету Пушкина: «...я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: “К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы”» [Там же, с. 192].

Очевидная насыщенность пушкинским «присутствием» творческого мира Есенина в период его жизни на Кавказе, где проявляется исключительное доверие к первому поэту «Русского Парнаса», с именем которого прочно связано и формирование ориентальной традиции в отечественной литературе, кажется, просто не могла не отразиться в художественно-эстетическом содержании «Персидских мотивов» с их абсолютно новой для Есенина восточной темой. Однако существующие научные практики, ориентированные на изучение диалогических соприкосновений «Персидских мотивов» с ориентальными текстами Пушкина, единичны, но в то же время продуктивны для дальнейшей разработки этой перспективной исследовательской темы, обещающей по-настоящему уникальные открытия в сфере поэтики диалога как философской и конструктивной основы творчества Есенина (см. об этом подробнее: [Столетие Сергея Есенина, 1997, с. 130–159]). В состоявшихся публикациях ([Фурсов, 2019 ; Лебеденко, 2020]) особое место, что закономерно, принадлежит есенинской художественной рецепции «Подражаний Корану» Пушкина, поскольку данное произведение по праву считается «сильным текстом» восточного канона в русской литературе и написано, как и цикл Есенина, в период кардинального переосмысления поэтом идейно-эстетических ориентиров творческого мировидения. В продолжение этих филологических опытов мы предлагаем свою интерпретацию возможного пушкинского «следа» в «Персидских мотивах», сосредоточенную на лирическом микросюжете *о путнике*, который применительно к изображенному миру «Подражаний Корану» пока еще не попадал в поле зрения исследователей есенинского цикла.

Основная часть

«Коранический» цикл Пушкина, работа над которым завершилась ровно за сто лет до первой публикации «Персидских мотивов» Есенина², при жизни автора был обойден вниманием критики, да и отклики поэтов-современников на него были чрезвычайно скупы и редки. Устойчивый интерес к «Подражаниям Корану» возникает в русской философской мысли конца XIX века и впоследствии приводит к появлению обширного и разнородного корпуса научной литературы, активно пополняемого и в наши дни³.

При всем разнообразии сформировавшихся подходов к изучению пушкинского цикла практически все существующие исследования данного направления объединены общей проблемой, связанной с соотношением религиозной темы с содержанием духовных исканий поэта в переломный момент его творческой биографии. Насколько эта проблема, не мыслимая вне авторской позиции к священной книге мусульман, очевидна для «Подражаний Корану», настолько она, кажется, совершенно чужда «Персидским мотивам». Если Пушкин, по мысли Ю. М. Никишова, «черпал в Коране темы, элементы слога, опорные образы — и непринужденно импровизировал, естественно, не отступая от духа подлинника» [Никишов, 2013, с. 152], то Есенин, по остроумному замечанию молодой исследовательницы, комментирующей следы влияния «Подражаний Корану» в «Персидских мотивах», всего лишь «с корректным юмором относится к двум правилам ислама», не вникая «в саму суть мусульманства» [Лебеденко, 2020, с. 78].

Весьма достоверное суждение есениноведа опирается на тот уровень текста, который свободно эксплицируется посредством модальности оценочных высказываний субъекта речи в есенинском цикле и не учитывает сложных диалогических взаимодействий как имманентного свойства лирики поэта. Диалогические интенции в позднем творчестве Есенина преимуще-

² «Подражания Корану» были впервые опубликованы в книге «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1826) и помечены 1824 годом. С. А. Фомичев, скрупулезно изучая рукописи поэта, пришел к однозначному выводу, что авторская атрибуция цикла является мистификацией: он был завершён «не позднее конца мая 1825 г.» [Фомичев, 1986, с. 118].

³ Подробное системно-аналитическое освещение истории изучения «коранического» цикла Пушкина с конца XIX до начала XXI века представлено в диссертационном исследовании Ю. М. Литневской «Нравственно-философский смысл “Подражаний Корану” А. С. Пушкина. Поэтика цикла» (2004).

ственно отражаются «на глубинных уровнях художественной структуры — в образно-символической ткани произведения, в мифопоэтических рецепциях, в поэтике ассоциаций, в ритмике и интонации композиции» [Звегинцев, 1996].

Пристальное внимание к этим характеристикам эстетического объекта, обладающим высоким герменевтическим потенциалом, во многом способствует более детальному представлению о природе художественных сцеплений образов и мотивов, возникающих в есенинском цикле, порождающих его «смысловое напряжение» и обеспечивающих логику развития сюжета и целостность «Персидских мотивов». В свете сказанного обратимся к уже анонсированному нами микросюжету о путнике, который объединяет 7-е («Воздух прозрачный и синий...») и 8-е («Золото холодное луны...») стихотворения восточного цикла Есенина.

Появление образа путника в «Персидских мотивах» видится вполне закономерным и непосредственно обусловленным лирической ситуацией цикла: русский поэт — главная ипостась лирического «я» Есенина — впервые по собственной воле оказавшийся в ментально чуждой, но в то же время желанной для него стране. Но вряд ли стоит считать оправданным в данной связи полное отождествление есенинского путника с лирическим героем цикла, которое нередко допускают исследователи «Персидских мотивов»⁴.

Отметим, что в 7-м и 8-м стихотворениях цикла, по сравнению с предыдущими (как и последующими) текстами, отмечается изменение субъектной формы выражения авторского сознания: от лирического героя к автору-повествователю (по терминологии Б. О. Кормана). Субъект речи здесь сначала сосредоточен на изображении мира, который покидает путник, намереваясь достигнуть пустыни, а затем — на его пути, явленном в контрастном сопоставлении образных картин жизни и смерти.

Образ путника у Есенина объективирован, дан в пространстве и времени и служит одним из внутренних адресатов и собеседников субъекта речи, как чайханщик, меняла, Шаганэ... Но, безусловно, он, как и образ пути, играет в «Персидских мотивах» важную роль в самопознании лирического субъекта цикла (см.: [Устименко, 2019, с. 183]).

В этой связи обратим внимание на само именование есенинского собеседника. Как известно, одной из сквозных, магистральных тем в поэзии Есенина является тема пути, что на словесно-образном уровне текста подтверждается высокой частотностью в использовании лексем «*путь*» и «*дорога*» — 117 случаев словоупотребления (с учетом билексем) [Шипулина, 2013, с. 349–350, 110–111]. Вместе с тем слово «путник», что, согласимся, совершенно неожиданно, в поэтическом лексиконе Есенина не является прямым сономинантом лирического «я» текста и встречается всего лишь три раза [Там же, с. 349]. Причем два из них — в интересующих нас стихотворениях «Персидских мотивов», еще один — в стихотворении 1914 года «Край ты мой заброшенный...». Кстати сказать, синонимичное «путнику» слово «странник», употребляющееся в поэзии Есенина 13 раз [Там же, с. 436–437] и напрямую связанное с художественной репрезентацией темы пути, в целом последовательно и равномерно присутствует в произведениях разных этапов творчества поэта и довольно часто входит в богатый сономинантный ряд лирического субъекта⁵.

Как мы полагаем, есенинский путник — интенционально диалогический образ, расширяющий и усиливающий точку зрения лирического «я» в восточном цикле поэта и апеллирующий к русской ориентальной традиции, в произведениях которой лексема «путник» служит одной из главных персонификаций авторского сознания. А прецедентным текстом в данном случае выступает заключительное стихотворение «коранического» цикла Пушкина «И путник усталый на Бога роптал...» (IX «Подражание»). В нем в форме притчи выражается ценностно-философская квинтэссенция «нравственных истин» Корана, определивших идейно-эстетическое содержание «вольных подражаний» поэта. Напомним сюжет этого стихотворения. Усталый путник, страдающий в пустыне от зноя и жажды и от того ропщущий на Бога, неожиданно находит спасительный оазис, где и останавливается на ночлег. За свое неверие в милость и всеислие Всевышнего путник

⁴ См., например, позицию А. Ванюкова, который, комментируя 7–10-е стихотворения «Персидских мотивов», указывает, что они «образуют первый “катрен” “сонетной” структуры цикла, концентрирующийся на судьбе лирического героя-“путника” и его предварительном расставании с Персией и “дорогой Шагой”» (курсив наш. — С. П.) [Ванюков, 2018, с. 432].

⁵ См., например: «Я странник убогий. / С вечерней звездой / Пою я о бже / Касаткой степной» (1914) [Есенин, 1996, т. 4, с. 108]; «Не вернусь я в отчий дом, / Вечно странствующий странник» (1925) [Там же, 1995, т. 1, с. 228].

наказан Им долгим, многолетним сном, превратившем молодого человека в «мгновенного старика». Но затем по воле Бога свершается чудо: к путнику возвращается молодость и происходит его духовное преображение:

Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он снова пускается в путь.
[Пушкин, 1947, т. 2, кн. 1, с. 318]

Все события жизни пушкинского путника происходят в пустыне, где центральным, смыслополагающим является встреча человека с Богом, демонстрирующем свое всеисие. Есенинский путник, впервые возникающий в «Персидских мотивах» в стихотворении «Воздух прозрачный и синий...», направляется в пустыню, но, с точки зрения субъекта речи, выраженной отрицательным утверждением, достичь ее он не сможет:

Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
[Есенин, 1995, т. 1, с. 259]

С образом путника в цикл Есенина входит, становясь ведущим, мотив поиска «удела желанного», по отношению к которому образ пустыни, имеющий в литературе устойчивые мифопоэтические коннотации, и связан с таким поиском. Императив лирического субъекта текста, адресованный путнику, поясняется необычными преградами, что последовательно появляются на его пути. Сначала он не удержится «*взглядом, / Чтобы не припасть к гвоздикам*». Потом его обязательно остановит «*Шепот ли, шорох иль шелест — / Нежность, как песня Саади*», затем он забудется от потерь и тревог «*в крепких объятиях*» «*пери*». А в итоге — будет обретен «удел желанный», что сделает пустыню как пространственно маркированную цель для есенинского путника совершенно ненужной и бессмысленной.

Вернемся к началу этого пути. Пророческий характер высказывания лирического субъекта речи («*Ты не дойдешь до пустыни*») подразумевает его знание о том, как может сложиться судьба путника, достигни он пустыни. И сама визуализация образа путника в тексте имплицитно указывает на его изначальное существование вне лирического сюжета стихотворения.

На наш взгляд, диалогическая интенция автора «Персидских мотивов», заключенная в приведенной строке, обращена к опыту другой — пушкинской — жизни путника, повторение которого невозможно в границах той действительности, что изображена в произведениях, по крайней мере, первой редакции есенинского цикла⁶. Именно поэтому образы путника и пустыни у Есенина, по существу дела, лишь номинально представлены в стихотворении «Воздух прозрачный и синий...», отсылая память читателя к финальному сюжету «Подражаний Корана» и контрастно корреспондируясь с эмоционально насыщенными картинками иного, нежели чем у Пушкина, мира Востока. Он, явленный в лирических миниатюрах одухотворенной природы, возникающей в ней нежной песенной мелодии, романтического свидания влюбленных, что и становится у поэта экспрессивно-содержательными конструктами образа «удела желанного» «Тех, кто в пути устали», предстает как подлинное, свыше данное чудо, способное преобразить судьбу «усталого путника», наполнить его сердце «святыми восторгами», исключая страдания и ропот на Бога⁷.

Пушкинскую оптику восточной темы, где художественный процесс преобразования поэзии Корана в собственную поэзию идеологически сфокусирован, по точной мысли Е. Эткинда, на «безоговорочной вере, благочестивом послушании, безропотном смирении» человека [Эткинд, 2000, с. 62], Есенин сопоставляет со своим видением Востока. И оно, органично и свободно входя в подвижное пространство русской ориентальной традиции, основано, в первую очередь, на фундаментальной для поэтического космоса Есенина *идее узловой завязи природы с сущностью человека*. В позднем творчестве Есенина эта идея включается в этико-художественный контекст, для

⁶ Состав первого издания «Персидских мотивов», вышедшего в мае 1925 года и содержащего 10 стихотворений, см. в: [Есенин, 1999, т. 7, кн. 1, с. 384].

⁷ Автор широко известной книги о поэте «Песенное слово: поэтическое мастерство С. Есенина» Л. Л. Бельская называет стихотворение «Воздух прозрачный и синий...» «самым радужным и светлым» во всем восточном цикле (см.: [Бельская, 1990, с. 108]).

которого, по наблюдениям С. Г. Семеновой, характерно «философическое, всеприемлющее настроение» и в котором «чувствуется и элемент своеобразной поэтически-душевной самотерапии, утверждение себя в стоической мудрости» [Столетие Сергея Есенина, 1997, с. 80].

Данное положение легко подтверждается содержанием многих поэтических строк, написанных в последние два года жизни Есенина и ставших хрестоматийными:

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
(«Мы теперь уходим понемногу...»)
[Есенин, 1995, т. 1, с. 201]

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.
(«Синий май. Заревая теплынь»)
[Есенин, 1995, т. 1, с. 212]

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.
(«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»)
[Есенин, 1995, т. 1, с. 240]

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
(«Свищет ветер, серебряный ветер...»)
[Есенин, 1995, т. 1, с. 290]

Ключевым понятием философских обобщений в приведенных лирических текстах является слово «жизнь», а сами строки — ударные концовки стихотворений — воспринимаются в качестве оптимистичных духовно-творческих заповедей поэта.

К ним следует отнести и те высказывания лирического субъекта в стихотворении «Золото холодное луны...», что в форме наставлений адресованы путнику, отражая конститутивные принципы жизнотворческой программы автора «Персидских мотивов»: «*мертвым не внемли, / Не склоняйся к плитам головою*»; «*Помирись лишь в сердце со врагом*»; «*В лунном золоте целуйся и гуляй*»; «*...живых тем сном не отравляй*» [Есенин, 1995, т. 1, с. 261–262]. В этом произведении оппозиция «смерть — жизнь», структурирующая текст и определяющая его идейное звучание, преемственно замещает не столь твердо выраженную, но выполняющую те же функции оппозицию «пустыня — удел желанный» из предыдущего стихотворения цикла, символически абсолютизируя выбор путника, что и обуславливает рождение поучительных интонаций у Есенина.

Вместе с тем, как мы полагаем, назидательные обращения в есенинском стихотворении коррелируются с многочисленными нравственными заповедями, что воплощены у Пушкина в «кораническом» цикле и образуют широкий контекст последнего «Подражания»: «не ропщи», «смирись», а главное — «верь во всеисилие и милосердие Бога» (см. об этом подробнее: [Литневская, 2004]).

Разность в содержании транслируемых напутствий у Пушкина и Есенина в данном случае очевидна, и не исключено, что младший поэт формулирует свои жизнеутверждающие заветы, диалогически соотнося их с религиозной риторикой поэта-предшественника, раскрывающей особые взаимоотношения человека и Создателя, которые определяют само существование и жизни, и смерти в духовной культуре ислама.

В этом контексте любопытен у Есенина функционально-семантический статус слова «заповедь», которое кроме «Персидских мотивов» в его поэтических произведениях больше нигде не употребляется. В стихотворении «Свет вечерний шафранного края...», предшествующем микросюжету о путнике в есенинском цикле, лирический герой высказывает свое неприятие

одного из гендерных мусульманских установлений («*Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой*») как противоречащее природному естеству жизни:

Даже все некрасивое в роке
Осняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

[Есенин, 1995, т. 1, с. 257–258]

То, что в мусульманском мироустройстве существует как строгая морально-этическая норма, есенинским героем признается за грех и безблагодатное существование человека. Поэтому лирический субъект, обращаясь в стихотворении к восточной женщине — «*Дорогая, с чадрой не дружись*», — свою, в общем-то, интимную просьбу называет заповедью («*Заучи эту заповедь вкратце*»), поскольку она функционально ставится в один ряд с религиозно-нравственными предписаниями ислама, полностью противопоставляясь им и имплицитно сакральную семантику. Эта семантика в целом характерна и для есенинских максим в стихотворении «*Золото холодное луны...*», несмотря на то, что, к примеру, наставление путнику «*В лунном золоте целуйся и гуляй*» имеет коннотации, отсылающие к гедонистической философии. Только оно соседствует в тексте с проникнутым доверительной интонацией назиданием, которое по своей морфологии и смыслу воспринимается как субъектная форма собирательной христианской заповеди («*Помиришь лишь в сердце со врагом*»), органично акцентированной экзотической деталью, представленной окказионализмом («*И тебя блаженством ошафранит*»).

Картина мира в есенинском микросюжете о путнике, многомерная по своему событийному содержанию и духовным потенциям, наполнена вдохновенной мыслью о самоценности жизни и творческого отношения к ней человека, способного чувствовать и благодарно воспринимать живительную силу земной красоты. Мыслью, что в поэме «*Анна Снегина*» — а она пишется, как мы помним, в одно время с «*Персидскими мотивами*» — высказана изумительным по своей кристальной простоте афоризмом: «*Как прекрасна / Земля, / А на ней человек*» [Есенин, 1998, т. 3, с. 165]. Согласимся, что такая идея внеположна сюжету о пушкинском путнике в «*Подражаниях Корану*».

Вывод

Диалогическое обращение Есенина в «*Персидских мотивах*» к стихотворению «*И путник усталый на Бога роптал...*», бытующее в издательской практике как автономный текст, факт, конечно, не самый очевидный, но в то же время, что симптоматично, не единственный для русской словесности. В данном отношении показательным, бесспорным, широко признанным является произведение М. Ю. Лермонтова «*Три пальмы*» (1839), которое вслед за Б. Эйхенбаумом в науке о поэте нередко аттестуется «*возражением Пушкину*» [Эйхенбаум, 1941, с. 69]. А на уроках литературы в современной школе детальному изучению подлежит полемическая связь лермонтовской баллады с пушкинской притчей. Велик соблазн дополнить сложившийся сопоставительный ряд «*Три пальмы*» Лермонтова — IX «*Подражание*» Пушкина 7-м и 8-м стихотворениями «*Персидских мотивов*» Есенина. Однако такая филологическая «операция» видится нам, честно говоря, не совсем корректной. Все-таки образ есенинского путника не имеет явно выраженного полемического посыла к сюжету пушкинской притчи. Он, повторимся, обладая диалогической интенцией, служит в субъектно-образной структуре цикла маркером чужого сознания, обогащающего авторское мировидение, что не в последнюю очередь способствует у Есенина поиску и обретению оригинального творческого решения восточной темы и неповторимого, подчеркнуто русского песенного голоса в отечественной ориентальной традиции.

Список источников

1. Абдулазизова З. С. С. Есенин и загадочный Восток («Персидские мотивы») // Вестник Таджикского национального университета. Сер. филологических наук. — 2016. — № 4-4 (206). — С. 207–212.
2. Ардышева Е. С. Образы персидской поэзии в сборнике «Персидские мотивы» С. А. Есенина // Этнопространство Западной Сибири: современная языковая ситуация : сб. тез. докл. участников Междунар. науч. форума. — Киров : Межрегион. центр инновац. техн. в образовании, 2021. — С. 44–48.

3. Бельская Л. Л. Песенное слово: поэтическое мастерство С. Есенина : кн. для учителя. — М. : Просвещение, 1990. — 142 с.
4. Борзых Л. А. Символическая наполненность образа розы в поэтической ткани «Персидских мотивов» С. А. Есенина // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (93). — С. 27–32.
5. Ванюков А. И. «Персидские мотивы» С. А. Есенина: поэтика заглавия и структура цикла // Сергей Есенин. Личность, творчество, эпоха : сб. науч. тр. — М. ; Константиново ; Рязань : Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, 2018. — С. 422–440.
6. Василевская А. С. Трехцветная модель картины мира в цикле стихотворений С. Есенина «Персидские мотивы» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2019. — № 4 (35). — С. 74–82.
7. Голкар Абтин. Поэтическая топонимика в лирическом цикле С. Есенина «Персидские мотивы» // Современное есениноведение. — 2005. — № 3. — С. 34–36.
8. Гунтарева Е. Е. Имена собственные в цикле «Персидские мотивы» С. А. Есенина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2016. — № 4. — С. 27–31.
9. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. — М. : Наука : Голос, 1995–2002.
10. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 333 с. — URL : <https://www.livelib.ru/book/1000002993-mysli-o-lingvistike-sbornik-vladimir-zvegintsev?ysclid=lm8au7wnaf304007211> (дата обращения: 06.09.2023).
11. Исахан Исаханлы. Тема Востока в творчестве Сергея Есенина: на материале цикла «Персидские мотивы» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». — 2018. — № 4. — С. 124–127.
12. Коновалова М. В. Имена и образы в цикле С. А. Есенина «Персидские мотивы» // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 75-5. — С. 29–32.
13. Лебеденко В. А. «Пушкинский след» в цикле С. А. Есенина «Персидские мотивы» // Современное есениноведение. — 2020. — № 3(54). — С. 77–80.
14. Литневская Ю. М. Нравственно-философский смысл «Подражаний Корану» А. С. Пушкина. Поэтика цикла : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Саратов, 2004. — 211 с. — URL : <https://www.dissercat.com/content/nravstvenno-filosofskii-smysl-podrazhanii-koranu-pushkina-poetika-tsikla?ysclid=lm890gyuuw288580201> (дата обращения: 06.09.2023).
15. Никишов Ю. М. Пушкин и религия. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2013. — 384 с.
16. Новикова М. Мир «Персидских мотивов» // Вопросы литературы. — 1975. — № 7. — С. 173–184.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
18. С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. — М. : Худож. лит., 1986. — Т. 2. — 446 с.
19. Савченко Т. К. «Голубая да веселая страна»: «Персидские мотивы» Сергея Есенина и «Бирюзовая чайхана» Александра Шириявца // Русская словесность. — 2016. — № 4. — С. 15–25.
20. Столетие Сергея Есенина : Междунар. симп. — М. : Наследие, 1997. — С. 57–82, 130–159.
21. Тартаковский П. «Я еду учиться». «Персидские мотивы» Сергея Есенина и восточная классика // В мире Есенина : сб. ст. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 335–352.
22. Устименко М. Н. Поиски «желанного удела» лирическим героем книги стихов С. А. Есенина «Персидские мотивы» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2019. — № 1(13). — Т. 7. — С. 173–191.
23. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. — Л. : Наука, 1986. — 304 с.
24. Фурсов К. «Там на севере девушка тоже...». Историко-литературные аспекты творчества С. А. Есенина: цикл «Персидские мотивы» // Русская словесность. — 2019. — № 2. — С. 107–111.
25. Шакирова Д. Р. Язык и стиль «Персидских мотивов» Сергея Есенина // Вестник Татарского государственного гуманитарного-педагогического университета. — 2007. — № 1(8). — С. 74–78.
26. Шипулина Г. И. Художественное время и пространство в микрокосме «Персидских мотивов» С. А. Есенина // Современное есениноведение. — 2007. — № 7. — С. 35–38.
27. Шипулина Г. Словарь языка Есенина. Имя существительное. — Баку : Мутарджим, 2013. — 588 с.
28. Эйхенбаум Б. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. — М. : Изд-во АН СССР, 1941. — Кн. I. — С. 3–82.
29. Эткинд Е. Пушкинская «поэтика странного» // Коран и Библия в творчестве Пушкина / под ред. Д. Сегала и С. Шварцбанда. — Jerusalem : World assoc. for the study of the interaction of cultures (WASIC) : Russ. libr. of the Zionist forum, 2000. — С. 45–64.

References

1. Abdulazizova Z. S. A. Yesenin and the mysteries East (*Persian motifs*). *Vestnik Tadzhičskogo natsionalnogo universiteta. Ser. filologičeskikh nauk* [Bulletin of Tajik National University. Philology Series]. 2016, iss. 4-4 (206), pp. 207–212. (In Russian).
2. Ardysheva E. S. Images from Persian poetry in S. A. Yesenin's series of *Persian Motifs*. *Etnoprostranstvo Zapadnoy Sibiri: sovremennaya yazykovaya situatsiya: sb. tez. dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch. foruma* [Ethnospace of Western Siberia: modern language situation: collection of presentations of participants of the International scientific forum]. Kirov, Interregional center of innovations in education Publ., 2021, pp. 44–48. (In Russian).
3. Belskaya L. L. *Pesennoye slovo: poeticheskoye masterstvo S. Yesenina: kn. dlya uchitelya* [Song-like words: S. Yesenin's poetic craft. Book for teachers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1990, 142 p. (In Russian).
4. Borzykh L. A. The symbolic meaning of the rose in the poetic imagery of S. A. Yesenin's *Persian motifs*. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Humanitarian sciences]. 2011, iss. 1 (93), pp. 27–32. (In Russian).
5. Vanyukov A. I. *Persian motifs* by S. A. Yesenin: poetics of the title and structure of the lyrical series. *Sergey Yesenin. Lichnost, tvorchestvo, epokha: sb. nauch. tr.* [Sergey Yesenin. Personality, creative work, and the epoch: collection of research articles]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, S. A. Yesenin's State Museum-Reserve, 2018, pp. 422–440. (In Russian).
6. Vasilevskaya A. S. Three-color model of the worldview in S. Yesenin's series of *Persian motifs*. *Aktualnyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Issues of modern philology and journalism]. 2019, iss. 4 (35), pp. 74–82. (In Russian).
7. Golkar Abtin. Poetic toponymy in S. Yesenin's lyrical cycle *Persian Motifs*. *Sovremennoye yeseninovedeniye* [Modern Yesenin Studies]. 2005, iss. 3, pp. 34–36. (In Russian).
8. Guntareva E. E. Proper names in S. A. Yesenin's series *Persian Motifs*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. "Russian Philology"]. 2016, iss. 4, pp. 27–31.
9. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2002. (In Russian).
10. Zvegintsev V. A. *Mysli o lingvistike* [Thoughts about linguistics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, 333 p. Available at: <https://www.livelib.ru/book/1000002993-mysli-o-lingvistike-sbornik-vladimir-zvegintsev?ysclid=lm8au7wnaf304007211> (accessed: 06.09.2023). (In Russian).
11. Isakhan Isakhanly. The Oriental theme in the works of Sergei Yesenin: based on the cycle *Persian Motifs*. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Ser. "Gumanitarnyye nauki"* [Modern Scholarship: current problems of theory and practice. Ser. "Humanities"]. 2018, iss. 4, pp. 124–127. (In Russian).
12. Konovalova M. V. Names and images in S. A. Yesenin's cycle *Persian Motifs*. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in development of science and education]. 2021, iss. 75–5, pp. 29–32. (In Russian).
13. Lebedenko V. A. "Pushkin's trace" in the cycle of S. A. Yesenin, *Persian motifs*. *Sovremennoye yeseninovedeniye* [Modern Yesenin Studies]. 2020, iss. 3(54), pp. 77–80. (In Russian).
14. Litnevskaya Yu. M. *Nravstvenno-filosofskiy smysl "Podrazhaniy Koranu" A. S. Pushkina. Poetika tsikla* [Moral and philosophical meaning of Imitations of the Koran by A. S. Pushkin. Poetics of the cycle]. Dis. of candidate of philology, 10.01.01. Saratov, 2004, 211 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/nravstvenno-filosofskii-smysl-podrazhanii-koranu-pushkina-poetika-tsikla?ysclid=lm890gyuuw288580201> (accessed: 06.09.2023). (In Russian).
15. Nikishov Yu. M. *Pushkin i religiya* [Pushkin and religion]. Tver, Tver State University Publ., 2013, 384 p. (In Russian).
16. Novikova M. The world of *Persian motifs*. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. 1975, iss. 7, pp. 173–184. (In Russian).
17. Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959. (In Russian).
18. *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [S. A. Yesenin in memoirs of his contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, vol. 2, 446 p. (In Russian).
19. Savchenko T. K. "This blue and cheerful country": *Persian motives* by Sergei Yesenin and *Turquoise teahouse* by Alexander Shiryaevets. *Russkaya slovesnost* [Russian Literature]. 2016, iss. 4, pp. 15–25. (In Russian).
20. *The Centenary of Sergei Yesenin: International symposium*. Moscow, Naslediye Publ., 1997, pp. 57–82, 130–159. (In Russian).
21. Tartakovskiy P. "I'm traveling to learn." *Persian motifs* by Sergei Yesenin and oriental classics. *V mire Yesenina: sb. st.* [In Yesenin's world: collection of articles]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1986, pp. 335–352. (In Russian).

22. Ustimenko M. N. Search for the “desired destiny” made by the lyrical hero of S. A. Yesenin’s collection of poems *Persian Motifs*. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature]. 2019, iss. 1 (13), vol. 7, pp. 173–191. (In Russian).
23. Fomichev S. A. *Poeziya Pushkina: tvorcheskaya evolyutsiya* [Pushkin’s poetry: creative evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 304 p. (In Russian).
24. Fursov K. “There’s another girl in my North...” Historical and literary aspects of S. A. Yesenin’s work: the cycle of *Persian Motifs*. *Russkaya slovesnost* [Russian Literature]. 2019, iss. 2, pp. 107–111. (In Russian).
25. Shakirova D. R. Language and style of *Persian motifs* by Sergei Yesenin. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tatar State Humanitarian-Pedagogical University]. 2007, iss. 1(8), pp. 74–78. (In Russian).
26. Shipulina G. I. Artistic time and space in the microcosm of *Persian motifs* by S. A. Yesenin. *Sovremennoye yeseninovedeniye* [Modern Yesenin Studies]. 2007, iss. 7, pp. 35–38. (In Russian).
27. Shipulina G. *Slovar yazyka Yesenina. Imya sushchestvitelnoye* [Dictionary of Yesenin’s language. The Noun]. Baku, Mutarjim Publ., 2013, 588 p. (In Russian).
28. Eikhenbaum B. Lermontov’s literary stand. *M. Yu. Lermontov*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, b. I, pp. 3–82. (In Russian).
29. Etkind Ye. Pushkin’s “poetics of strange things”. *Koran i Bibliya v tvorchestve Pushkina* [The Koran and the Bible in Pushkin’s works]. Ed. by D. Segal and S. Schwartzband. Jerusalem, World association for the study of the interaction of cultures (WASIC), Russian library of the Zionist forum Publ., 2000, pp. 45–64. (In Russian).

Информация об авторе

Пяткин Сергей Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Сфера научных интересов: художественное наследие А. С. Пушкина, творчество С. А. Есенина, пушкинская традиция в литературе Серебряного века, религиозно-философское содержание русской литературы.

Information about the author

Pyatkin Sergey Nikolaevich — doctor of philology, professor of the Chair of Russian Language and Literature of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Research interests: poetic heritage of A. S. Pushkin, works of S. A. Yesenin, Pushkin’s tradition in the literature of the Russian Silver Age, religious and philosophical content of Russian literature.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; принята к публикации 01.10.2023.

The article was submitted 13.09.2023; accepted for publication 01.10.2023.